

Юлия Афанасьева

Ваня

Повесть

Юлия Афанасьева

Ваня. Повесть

«Издательские решения»

Афанасьева Ю.

Ваня. Повесть / Ю. Афанасьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830987-8

«Ваня» — это история мальчика из детского дома со сложной судьбой. Жизнь постоянно преподносит ему сюрпризы, отнюдь не всегда приятные, будь то задиристые соседи, приемный отец-алкоголик или меркантильная подружка лучшего друга. История Вани в очередной раз доказывает нам, что вера в лучшее, в свои силы и возможности, плюс поддержка добрых людей творят настоящие чудеса!

ISBN 978-5-44-830987-8

© Афанасьева Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
5	15
6	17
7	19
8	23
9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ваня
Повесть
Юлия Афанасьева

© Юлия Афанасьева, 2016

ISBN 978-5-4483-0987-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Обидно, когда тебе дают подзатыльник ни за что. Да вообще обидно, когда распускают руки твои же сверстники, те люди, с которыми ты живёшь в одной комнате, кушаешь в одной столовой и спишь на соседних кроватях. Их пятеро и все здоровые, наглые и грубые. А я совсем один. На всём белом свете. У меня даже мамы с папой нет, какие уж тут друзья. Меня зовут Ваня. И я из детдома.

Моя мама оставила меня в роддоме. Просто собрала все свои вещи и ушла. Врачи и акушеры возмущались, конечно, но она сказала, что ей всё равно и моя дальнейшая судьба её совершенно не интересует. У неё карьера и портить её из-за «какого-то нежеланного отпрыска» она не готова и не собирается. За 10 лет ни одной весточки, никто не знает и никогда не видел мою маму. Я даже не знаю, жива она или нет. А так хочется посмотреть ей в глаза, прижаться к ней, такой родной и домашней. Я не сержусь на неё, нет.

Единственный, кто меня здесь понимает – это наш воспитатель – Андрей Валентинович. Он сам вырос в приюте, и не понаслышке знает, как здесь порой бывает нелегко; как лютым зверем смотрят однокашники, когда повариха тётя Люба пожалеет за обедом и даст тебе, а не им лишнюю корочку хлеба. За что и приходится глубокой ночью в туалете терпеть побои и оскорбления, а я ведь ничего плохого не делал, я просто хотел кушать, как, впрочем, и все здесь. Андрей Валентинович добрый. И мудрый, хоть и очень молодой. Он всё понимает, меня в обиду не даёт. Но ведь не может он находиться со мной круглые сутки, нас, ребят, вон ведь как много! Младшим тут совсем тошно, постоянно приходится терпеть насмешки и тычки старших. Я, по возможности, защищаю маленьких. Мы даже с Андреем Валентиновичем и ещё с парой ребят организовали, так сказать, дружинный отряд. Патрулируем здание детдома, чиним ребятишкам сломанные старшими игрушки, пресекаем несправедливость. А после ухода воспитателя опять начинаются пытки в туалете. Оскорбления, что я крыса, предаю своих же, прячась за спиной этого праведника. После моих возражений, что Андрей Валентинович добрый и справедливый, следует новая порция зуботычин.

Наш директор, Корсканова Лидия Семёновна, очень жёсткая и суровая женщина. Нас, детей, она считает отбросами общества, мерзкими, ограниченными тварями, брезгует даже прикоснуться к нам, а если и случается кого-то случайно задеть, очень долго моет руки и протирает их спиртом. А вообще она вся из себя, очень модная и гламурная. Одевается с иголочки, каждые день новая укладка, маникюр и всё такое прочее. Лично я считаю, что женщине в таком возрасте (почти 45 лет) не нужно излишне харахориться, нужно доказывать людям что-то своими хорошими делами, поступками, а не новой кофточкой и малиновыми губами. Её ничто не интересует кроме Салонов Красоты, модных бутиков и своего дорогого автомобиля, который она, кстати, купила на деньги, которые различные организации перечисляют в наш фонд. Я своими глазами видел квитанции денежных переводов, когда однажды провинился и меня заставили выносить мусор на свалку. Когда к нам в детдом приезжают различные гости и высокопоставленные чины, она, конечно же, очень нас любит, гладит по головке, поправляет нам кофточки... В будни от неё такого не дождёшься. Терпеть не могу двуличных людей.

Одного поля ягода с ней – это жена нашего воспитателя, Анжелика Александровна, такая же вся из себя фыфочка. Неудивительно, что с нашей директрисой они лучшие подруги! Не понимаю, за что её любит Андрей Валентинович. Она очень красивая, не спорю, но характер у неё, мягко скажем, стервозный. Разумеется, при нашем воспитателе она его не демонстрирует. Значит, такая же двуличная. Ни раз я слышал, как она пыталась наговорить, вернее, мягко намекнуть Андрею Валентиновичу, чтобы он бросал этих «заморышей» (т.е. нас) и серьёзно занялся бизнесом (у Андрея Валентиновича своя сеть ресторанов). Хорошо, что наш воспитатель не подкаблучник там какой-то, а взрослый человек со своими принципами и инте-

ресами. Он её аргументированно уверяет в том, что этот детдом для него – частичка жизни, которую у него никто и ничто не вправе отобрать, даже любимая женщина. Конечно, Анжелика Александровна обиженно надувает свои пухленькие розовые губки, но после того, как на арене появляется очередная купюра номиналом 500 у.е., забывает все свои обиды и упрёки, чмокает Андрея Валентиновича в щёчку и уносится в модный бутик за очередным нарядом.

Меня она почему-то не любит. Вернее, даже ревнует к Андрею Валентиновичу. Он, действительно, проводит очень много времени со мной. Намного больше, чем с другими ребятами. На мой вопрос, почему, воспитатель просто отвечает, что я добрый, особенный, не такой, как все. Он сам не может объяснить, почему его ко мне так тянет. А я только рад! Мне с ним очень хорошо. И спокойно. Не понимаю, как могут обычные дети (я имею в виду, из полноценной семьи) ругаться со своими родителями, обижаться на них и не слушаться. Я был бы очень послушным сыном, помогал бы маме по хозяйству, каждый день бы приносил ей свежие полевые цветы и радовал хорошими отметками в школе. А будь у меня такой папа, как Андрей Валентинович, я бы всю свою жизнь просто держал его за руку и никуда не отпускал.

Мне здесь нравится одна девочка. Я в неё даже маленько влюблён. Её зовут Настя, она младше меня на 1,5 года и живёт этажом ниже. Она очень добрая и красивая. Настя не здороваётся со мной, но улыбается при встрече. И за эту улыбку я готов стерпеть всё: и побои, и оскорбления. Помню, как-то раз мне крепко досталось от старших, я лежал в своей комнате и даже встать не мог. Воспитателям наврал, что недомогаю, сослался на боли в желудке. Только Андрей Валентинович обо всём догадался. И Настя. Она принесла мне большущее яблоко, сам не знаю, откуда она его взяла. Я предложил с ней поделиться, на что она сначала наотрез отказалась, потом скромно взяла свою половинку и выбежала в коридор. Я её понимаю, не часто нас тут яблоками балуют. А кушать хочется всегда.

Она здесь тоже почти ни с кем не общается, как и я. Конечно, она разговаривает с девочками из своей комнаты, стайкой все ходят в туалет (вы ведь наверняка знаете, как это у девочек бывает), но самое сокровенное, как и я, она не доверяет никому. Я не знаю это, но чувствую. Ей есть что сказать, вот только некому. Со мной она никогда не заговорит, я это прекрасно осознаю. Правильно, зачем нам нужны лишние сплетни по детдому? Проблем и так хватает. Просто нестерпимо больно от того, что знаешь, что вот он, совсем рядом близкий по духу тебе человек, а заговорить с ним ты просто так не можешь.

Со мной в комнате живёт мальчик, его зовут Егор. Он старше меня на 7 месяцев, и тоже заглядывается на Настю. Один раз он меня с мальчишками из комнаты даже побил. Ночью. В туалете. По почкам, чтоб синяков не было видно. А всё из-за того, что я улыбнулся Насте. И она мне в ответ. Ему она не улыбается. Даже не смотрит в его сторону. Боится, наверное. Вот он и бесится. А мне достаётся. Но ради этой девочки я готов вытерпеть многое. Она мне очень сильно нравится. Честно.

2

Прошлой ночью я плохо спал. Всё тело болело после очередных разборок в туалете. В голову лезли всякие мысли. Морфей никак не хотел забирать меня в своё сонное царство. Стало душно. Я вылез из-под одеяла, надел шлёпанцы, и в одной майке и трусах подошёл к открытому окну. Ветер обдал меня весенней, почти летней прохладой. В воздухе пахло сиренью. Звёзды на иссиня-чёрном небе светили ярко, так далеко и одновременно так близко, что, казалось, вот-вот задену их рукой, стоит только протянуть её к ним...

Я ждал чего-то. Чего? Не знаю. Чуда какого-то, которое вот-вот должно произойти. Я даже не чувствовал это, а знал наверняка, что скоро всё изменится, станет совершенно по-другому...

Захотелось пить. Я на цыпочках пошёл к двери, но случайно что-то задел, раздавался шум на всю комнату. Тотчас же в меня полетела подушка из того угла, где спал Егор.

– Ох, Коростелёв, видимо мало тебе досталось сегодня вечером. Ну ничего, завтра с пацанами повторим, чтоб не повадно было шляться по ночам, будить добрых людей.

«Это ты-то добрый?», подумал я про себя, усмехнулся, но сделал вид, что ничего не услышал и поспешно вышел в коридор.

Весь корпус спал. Ни одного шороха не раздавалось вокруг. Было тихо и спокойно. Даже вахтёрша тётя Зоя мирно посапывала, держа в руке очередной роман про любовь. Я вздохнул с облегчением, что не попадусь никому на глаза в столь поздний час, не получу замечания, и тихонько, на цыпочках, покрался к столовой за стаканом воды.

Когда я проходил мимо нашей комнаты отдыха, то краем уха услышал из-за приоткрытой двери еле различимый шорох. Я остановился, посмотрел по сторонам, набрался смелости и шагнул в дверной проём. Внутри было темно, кресла и диваны стояли на своих обычных местах, только ветер из приоткрытого окна шевелил занавески, да листочки растений, что стояли на полу. Я подошёл к подоконнику, залез на него с ногами и засмотрелся на огни ночного города. Я просидел так минут пятнадцать, думая и мечтая о чём-то своём, вдыхая свежий ночной воздух.

– Что, Ванюш, тоже не спится?

Я даже не вздрогнул. Больше того, я знал, что этот человек все время был здесь.

– Не могу уснуть. Жду чуда.

– Правильно, Иван, в чудеса надо верить. Они происходят с нами каждый день, просто мы настолько к ним привыкли, что уже не обращаем на них никакого внимания. У тебя ещё всё впереди, целая жизнь, и только от тебя зависит, оставишь ли ты в ней место для чудес или нет. Лично я перестал в них верить.

Я резко обернулся. Андрей Валентинович сидел прямо за мной в глубоком кресле, рядом с ним стоял красивый графин и стопка коньяка (чему я несказанно удивился, вообще-то он не пьёт). Луна освещала его горькую улыбку, взгляд воспитателя был устремлён куда-то вдаль, а в глазах его читалась душевная боль, грусть и пустота одновременно.

– Перестали верить? Андрей Валентинович, но вы же сами только что сказали...

– Да, сказал. Но у тебя ещё всё впереди, Вань, всё впереди...

Воспитатель замолчал. И я не смел нарушить это молчание. Я ждал, когда он снова заговорит. Я догадывался, что это всё из-за неё – из-за этой противной Анжелики Александровны. С каждой секундой гнев на эту женщину и негодование нарастали во мне, как снежный ком, я просто не знал, куда себя деть. А при мимолётном взгляде на Андрея Валентиновича сердце моё сжимала такая тупая боль, что хотелось рыдать во всё горло, и бежать, ломать, крушить всё вокруг! Я нервно сглотнул.

– Это всё из-за неё, да? – тихо спросил я.

Андрей Валентинович поднял на меня глаза, полные слёз. Потом опустил голову, закрыл лицо рукой и тихо заплакал. Впервые в жизни я видел, как он плачет. Он был такой родной и трогательный в этот момент, что я присел возле него на коленки и осторожно начал поглаживать свободную руку. Он обнял меня по-отечески за плечо, и тихо прошептал:

– Спасибо, Вань, за то, что ты есть. Не поддавайся никому. Верь в чудеса, и всё у тебя непременно получится! А сейчас беги спать, время уже много. Ах, да! И ещё: не говори, пожалуйста, никому, что я здесь... Ну, ты сам понимаешь... Мужчины не плачут...

– Хорошо, Андрей Валентинович, доброй ночи!

– Спокойной ночи, Иван.

Уже выходя из комнаты, я заметил, что на одном из диванов лежат подушка и одеяло. Как я и предполагал, воспитатель сегодня будет ночевать здесь.

Через какое-то время я успокоился, наступило долгожданное мной умиротворение. Ощущение наступающего чуда опять дало о себе знать: сердце бешено билось, душа рвалась куда-то ввысь, а внутренний голос пел: всё будет хорошо, всё будет просто здорово, жди, Иван, совсем немного осталось!

3

Утро было серым. Капли дождя барабанили по подоконнику. Утренняя прохлада вкупе с холодным ветром из приоткрытого окна заставляли ёжиться в постели. Я натянул одеяло до самого носа, но так и не смог согреться. Тихонько дрожа, начал снова засыпать...

С меня сорвали одеяло, стащили на пол. Ничего не понимая, я приоткрыл глаза и увидел над собой фигуры пяти сожителей, агрессивно настроенных.

– Говорил я тебе, Коростелёв, не надо по ночам шляться, будить своих товарищей. Предупреждал, – это Егор.

– Ха, Егерь, да он поди к Настьке, своей возлюбленной ночью бегал!

Егор смутился, но виду не подал. Ещё бы! Кому захочется сознаваться в своей любви к девчонке, пусть даже такой красивой, как Настя.

– Ну и как прошла ночь, наш Казанова?

– Не смейте говорить про неё плохо, Настя хорошая и порядочная девочка, не то, что вы! Я вас всех ненавижу!

Меня начали пинать. По почкам. По ногам. По спине. По голове. Без разбора. Я скорчился на полу и не смел пошевелиться. Даже обороняться не смел, да и не смог бы. При всём желании. Казалось, на моём теле не было живого места. Одни синяки, шишки и ушибы. Я не плакал. Я думал. О Насте и о чуде.

– Все на завтрак, – послышалось в коридоре. Это тётя Люба обходила весь наш этаж, заглядывая в каждую комнату и приглашая детей на манную кашу.

– Пацаны, атас! Она уже в 312, скоро к нам заглянет! Прячьте этого урода.

Меня затолкали под кровать, занавесили одеялом.

– Мальчики, на завтрак, – показалось в дверном проёме приветливое лицо повара. – Ой, а где Иван у вас?

– Он, наверное, в туалет вышел, – сказал Егор, показывая мне за спиной кулак. – Мы ему передадим.

– Передадим, передадим, не беспокойтесь, тётя Люб! – вторили ему остальные.

Повариха странно посмотрела на них, пожала плечами, и вышла.

Егор присел на корточки, заглянул под мою кровать и зловещим голосом прошептал:

– Расскажешь что-нибудь своему защитнику, мы тебя на ремни порежем! Ты меня знаешь, рохля, лучше не нарывайся. Мы сейчас пойдём с ребятами позавтракаем, а ты лежи тут смиренно, не рыпайся. Придём – продолжим с тобой, животное!

С этими словами он ещё раз больно пнул мне под рёбра, и вышел с дружками за дверь.

Я лежал на холодном полу. С закрытыми глазами. Минут пятнадцать. Дождаться Егора с его шайкой я не собирался, поэтому с невероятными усилиями вылез из-под кровати. Всё тело ныло и болело, суставы хрустели. Пошатываясь, я встал на ноги. В глазах помутнело. Я присел на краешек своей постели, пока взор не прояснился. Потом опять медленно встал. Маленькими шажками побрёл к умывальнику. Умылся холодной водой. Заметно полегчало. Чтобы там ни было, а на завтрак нужно идти. Набраться сил на предстоящий день. Вышел в коридор. Пошёл более уверенно и твёрдо. Ещё бы! Общество дисциплинирует, не позволяет проявить слабину. В случае чего – загрызут. Или засмеют. Одно из двух, выбирать не приходится. Навстречу попадались ребята. Сытые и довольные. Строили планы на предстоящий день, шутили и дурачились. Девчонки, как всегда, ходили стайками. И хихикали над чем-то, одним только им известным.

Столовая была на втором этаже. Недалеко от Настиной комнаты. Каждый раз, подходя к столовой, сердце моё начинало бешено биться в груди от предчувствия того, что скоро я её увижу. В столовой или в коридоре, весело болтающую с девочками. Она мне улыбнётся, засму-

щается и отвернётся, начнет шушукаться с подружками о чём-то. А я, как идиот, с застывшей улыбкой на лице так и буду сидеть и лопать в столовой свой паёк минут пятнадцать, не меньше. Пока кто-нибудь не окликнет, или не пристанет с дурацкими расспросами, тем самым, выведя меня из состояния блаженства...

Настю я увидел в столовой. Хотя многие ребята уже давно позавтракали, она всё ещё была тут. Помогала тётке Любе убирать грязные тарелки со столов. Настя очень хозяйственная. И добрая. Никогда не откажет ближнему. Завидев меня ещё в дверях, девочка широко улыбнулась мне. Сердце моё опять бешено заколотилось, вот-вот готовое вырваться из груди. Я улыбнулся в ответ. По крайней мере, постарался. Но улыбка получилась какой-то натянутой. Вымученной что ли. Выражение лица Насти изменилось. Она пристально посмотрела на меня и выбежала из столовой. Я обернулся ей вслед, но был вынужден вернуться в исходное положение. Услышал прямо над своим ухом гадкий смех Егора.

– Ха, парни, только посмотрите! Тихоня явился отпотчевать.

– Слушай, рохля, от каши сильнее не становятся. Это взрослые нам так специально говорят, чтоб мы эту гадость ели.

– Хотя, пусть попробует. Авось силёнки-то и прибавится, – Егор стоял вальяжно, промокая уголки губ салфеткой.

– Я вас всех ненавижу, – процедил я сквозь зубы, до хруста в пальцах сжимая кулак.

– Вот и покажешь нам после приёма пищи, КАК. Ждём тебя в 315.

С этими словами Егор бросил салфетку мне в кашу, кивнул парням, мол, за мной. Вся шайка вышла из столовой.

Я брезгливо достал салфетку из тарелки двумя пальцами и принялся за завтрак. Вбежала Настя.

– Настенька, я уж думала ты всё, с концами ушла...

– Как можно, тётъ Люб? Я пятно на платьице посадила, выбежала застирывать.

И как бы в доказательство своих слов встала слегка полубоком, демонстрируя мокрое пятно размером с блюдечко. Признаться, я сразу заметил подвох. Когда застирываешь вещь, она мнётся. Всё равно на этом месте остаются маленькие складочки, как ты их не разглаживай. Настино платьице же в том месте, где якобы должно было быть пятно, было идеально гладким, как только что отутюженным. Ощущение, как будто она это место просто смочила водой.

– Ну-ну, ты у меня одна помощница, Настенька, помоги уж, совсем немного осталось.

Настя довольно кивнула головой и принялась с ещё большим энтузиазмом убирать за товарищами грязную посуду. Когда она добралась до моего столика, то незаметно кинула мне на колени клочок тетрадного листочка, сложенный вчетверо. Я быстро убрал записку в карман штанов. Встал, чуть не опрокинув стол, отнёс грязную посуду и чуть ли не бегом вышел из столовой. В туалет. Читать послание. В нашей 315 у меня не будет такой возможности.

В туалете был один из младших. Он долго и тщательно мыл руки с мылом. Потом так же тщательно вытирал их полотенцем. Приглаживал чёлку набок возле зеркала. Мне казалось, прошла целая вечность...

Когда мальчик наконец вышел, я быстро запер дверь на шпингалет. Прислонился затылком к холодной стене, дрожащими пальцами достал из кармана записку. Повертел её в руках. Понюхал. Пахло чем-то сладким, девичьим, будоражившим кровь и затмевающим сознание. Поцеловал листочек за чем-то. Вздохнул и развернул его.

Почерк у Насти был красивый. Прямой, ровненький и аккуратный. Такой, наверное, и подобает иметь всем хорошим девочкам.

Через полчаса во дворе на третьей скамейке.

P.S. Первый раз в жизни сегодня врала, честное слово!

Я перечитывал эти две строчки снова и снова, до боли в глазах. Пока не услышал за дверью настойчивые удары. Я ведь совсем забыл, где нахожусь. Может, там кому-то тоже просто необходимо прочитать свою записку...

4

Я быстро убрал листочек в карман. Машинально открыл дверь, отошёл. За дверью стоял Гришка Осипов – мальчик, младше меня ровно на 3 месяца (у меня день рождения 29 августа, а у него – 29 мая). Хороший такой пацан, тихий, не задиристый. Кстати, мы с ним вместе патрулируем здание в качестве «дружинников», защищая младших.

– Здорова, Ванька! – и он со всего маху впечатал свою теплую ладошку в мою. – Ты уснул тут что ли?

– Привет, Гришка! Да нет, дело тут одно... – ответил я неопределённо и с пустым взглядом вышел в коридор.

По-моему, он ещё долго смотрел мне вслед. Я прямо чувствовал его удивлённый взгляд у себя между лопаток. Потом, видимо, он пожал плечами, мол, у каждого свои причуды, и закрыл за собой дверь.

А я шёл по коридору как во сне. Боже мой! Настя... Настенька... Настюша... Какая же она красивая, милая и... оказывается, такая храбрая! Сам бы я, наверное, никогда не решился написать ей записку. А вдруг эту записку бы потом нашли девчонки из её комнаты, что тогда? (Тут я подальше засунул записку в карман). Засмеяли бы. Всем растрещали и тихонечко зло-радествовали, подкалывали на каждом шагу, хихикали бы надо мной и над Настей. А в душе бы, наверное, завидовали... Нет, всё-таки очень сильное влияние на меня оказывает чужое мнение. Наверное, я трус. Не написал бы я записку. Как сказал бы Егор и вся его банда – «кишка тонка». А вот Настя молодец, не побоялась, написала.

С такими мыслями я добрёл до своей комнаты. Глубоко вздохнул, взялся за холодную ручку, помедлил немного и широко распахнул дверь. На удивление, в комнате никого не было. Только вещи ребят были разбросаны по всей комнате так, как будто объявили военное положение и их срочно забрали на фронт. Если честно, я был бы не против, если бы их уже куда-нибудь забрали. Даже помог бы собраться и помахал белым платочком.

Тут я вспомнил, что и мне пора собираться, Настя через 15 минут будет ждать меня на третьей скамейке. Лучше места для свиданья не придумаешь! Скамейка находится в нашем парке в тени деревьев, её не видно ни из корпуса, ни с площадки, даже из самого парка нельзя увидеть тех, кто на ней сидит, если только не подойдёшь к скамье вплотную. Молодец Настя! Я снова достал записку, пробежался по ней глазами, аккуратно свернул её, поцеловал и спрятал в мой тайничок – место под кроватью, где отходила одна дощечка. Для надёжности прикрыл тайник тапками.

Я ещё раз умылся, причесался, надел чистую рубашку и взглянул в зеркало. Оттуда на меня смотрел смуглый мальчик со светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Эх, видела бы меня сейчас моя мама... Хотя где она сейчас, моя мама? Захотелось заплакать, но я сдержал подступивший к горлу комок. Не хватало ещё, чтобы Настя видела меня зарёванным. «Я мужчина и ни в коем случае не должен плакать», – повторял я себе, но одна предательская слезинка всё же скользнула по моей щеке.

В дверь тихонько постучали, и в проёме показалось доброе и, как всегда, очень приветливое лицо Андрея Валентиновича. Я быстро смахнул слезу и широко улыбнулся ему.

– Ааааа, привет, малыш! – поздоровался воспитатель, протянув мне свою широкую тёплую ладонь.

Я деловито пожал его руку. Странно, но он частенько называл меня так: «малыш», а я даже не обижался на него. Если бы кто-то из ребят меня назвал «малышом», я бы крепко обиделся, возможно, даже драку завязал. А у Андрея Валентиновича получалось это так ласково, искренне, по-домашнему как-то... Стыдно признаться, мне даже нравилось. Что примечательно, на людях он меня так никогда не называл. За это я ему был искренне благодарен.

– А я твоих охламонов на тренировку по футболу забрал. В пятницу соревнования состоятся между детскими домами города. Есть желание поучаствовать?

– Во-первых, как вы выразились, «охламоны» эти – не мои. А, во-вторых, вы же сами знаете, Андрей Валентинович, нога, – угрюмо буркнул я себе под нос и в следующую же секунду пожалел об этом. «Зачем я так с ним, он же мне добра желает, и единственный, кто здесь понимает и поддерживает».

– Поругались что ли опять? – как будто не заметив моей грубости, спросил воспитатель. – А про ногу извини, Вань, забыл.

Я вам не рассказывал, что маленько прихрамываю на одну ногу? В роддоме что-то произошло: то ли по ошибке врачей, то ли ещё из-за чего-то, но я чуть не остался инвалидом. Врачи вообще боялись, что это на всю жизнь, но, Слава Богу, всё обошлось. Раньше я ходил, опираясь на палочку, но сейчас на двух ногах стою вполне уверенно, даже могу немного мяч во дворе с ребятами погонять. Разумеется, воспитатели и Андрей Валентинович в частности стараются меня всячески оградить от сильных физических нагрузок, я с ними не спорю. Потому что иногда нога всё-таки ноет, особенно в дождливую и пасмурную погоду.

Чтобы как-то разрядить обстановку, я решил рассказать Андрею Валентиновичу про записку. Знаю, что он никому не расскажет и смеяться надо мной точно не станет. Меня захлестывала волна счастья, хотелось жмуриться от него, как от яркого солнышка, поэтому я и решил поделиться кусочком этого счастья с самым близким мне человеком в этом детдоме.

Андрей Валентинович очень внимательно выслушал меня; он кивал, улыбался при виде того, как я нервничаю и заикаюсь. В конце моего монолога он одобрительно похлопал меня по плечу, мягко улыбнулся и сказал: «Иди, Ваня, иди, Настя уже ждёт тебя. Негоже молодым людям опаздывать на свидания».

5

Действительно, Настя уже ждала меня. На третьей скамейке, как и договаривались. При виде меня она вскочила, потом села, поправила подол коротенького розового платица. Я подошёл к ней и зачем-то поклонился. Она не смогла сдержать улыбки, я улыбнулся ей в ответ своей глупости. Обстановка более или менее разрядилась.

– Вань, привет.

– Я... – начали мы в голос, переглянулись и захохотали!

Она смеялась так звонко, игриво и задорно, что не смеяться с ней вместе было просто невозможно! Я присел к ней на скамейку, и мы хохотали добрых пять минут. Это были самые счастливые минуты за сегодняшний день, а, быть может, и за всю мою никчёмную жизнь. Забылось всё плохое: задиристые соседи, ночные побои в туалете, постоянное недоедание, даже отсутствие родителей в тот момент меня как-то не особо огорчало. Мне просто было хорошо с ней. Вот так вот вдвоём сидеть на третьей скамейке и хохотать над чем-то, одним только нам известным. Наконец, мы оба успокоились. То ли испугались, что кто-то услышит наш звонкий смех, то ли исчерпали весь запас смеха на сегодняшний день. Странно, но мы перестали смеяться одновременно. Просто замолчали оба и всё.

Молчание затянулось. По Насте было видно, что она крепко задумалась, сведя брови на переносице и судорожно барабанила пальцами по коленкам. А я не смел нарушить это молчание и прервать её мысли. Я чувствовал, как ей тяжело начать первой, как нелегко на это решиться. Но всё-таки понимал, что сделать это должна она, иначе, зачем же она меня сюда позвала?

Наконец, Настя глубоко вздохнула, видимо, собралась с мыслями и начала разговор так:

– Вань, на самом деле, я позвала тебя сюда, чтобы попрощаться.

– Прощаться? – не понял я.

– Да, именно так. Я знаю, что подслушивать нехорошо, но как-то раз, вечером, проходя мимо кабинета Андрея Валентиновича, я случайно услышала его разговор с какой-то женщиной. И, похоже, она хочет забрать тебя к себе.

– Странно, а почему именно меня?

– Насколько я поняла из их разговора, она посмотрела какую-то передачу, которую снимали про наш детдом, и ты ей очень сильно понравился!

Действительно, недавно один из центральных каналов сделал репортаж про наш детский дом, в котором показывались наши жилищные условия, ну и, конечно же, мы, дети. Помнится, я тогда ещё прочитал стихотворение собственного сочинения про маму, про то, как я её люблю и хочу быть рядом с ней. Видимо, эти строки и запали в душу той самой женщины.

– Но... Это так неожиданно.

– Вань, да что ты! Это же просто чудесно! Наконец-то ты обретёшь свою семью, свой дом, ты будешь самым счастливым человеком на свете!

Непонятно, какие чувства переполняли меня в тот момент. С одной стороны, и радость, и таинственное ожидание чего-то нового (вот оно: предвкушение чуда!), но, в то же время – тихая грусть и какая-то необъяснимая пустота. Возможно, от осознания того, что совсем скоро потеряю Настю и Андрея Валентиновича...

– Вань, ну ты что, совсем ни капельки не рад? – спросила Настя, увидев тревогу в моих глазах.

– Почему же? Я очень рад! Только вот как же... ты, – чуть ли не выдавил я из себя.

Настя поняла, что я хотел сказать. Она тяжело вздохнула и достала из кармана своего платица цветочек, сделанный из розового, белого и зелёного бисера размером со спичечный коробок. Бисеринки красиво переливались на солнышке.

– Ух ты! Как красиво! Сама сделала? – зачем-то спросил я, хотя прекрасно знал, что Настя любит заниматься бисероплетением, регулярно посещает наш детдомовский кружок и её работы уже не раз занимали призовые места на городских и областных соревнованиях.

– Ага. Ты сохрани его, ладно? Пусть он напоминает тебе о ребятах, нашем детском доме и ...обо мне. – Снова вздохнула она, и я заметил, как стали намокать её глаза.

Ну не могу я смотреть, когда другие плачут! Особенно девочки. Особенно Настя. Я не знаю, что делать в подобных ситуациях, теряюсь, одним словом. Поэтому в следующий миг я резко соскочил со скамейки, взял цветочек из тёплых Настиных рук, небрежно засунул его в нагрудный карман рубашки. Поблагодарил её, пробормотал что-то вроде: «Я тоже буду скучать» и стремительно зашагал в сторону корпуса, чувствуя инстинктивно, что Настя смотрит мне вслед и вытирает намокшие глаза платочком. Знаю, конечно, что поступил я тогда поспешно и глупо, не по-джентельменски как-то... А что мне оставалось делать? Подарить ей мне было нечего, да и оставаться там, видя её слёзы мне было не под силу. Конечно, я потом часто ругал себя за то, что не остался с ней рядом, не утешил, не попросался, как следует и толком не отблагодарил за подарок, но именно в тот момент я бежал, не думаю ни о чём. Бежал как трус: от Насти, своей беспомощности и своего загубленного детства.

6

– Нет, ты видел, как я сегодня забил последний гол? Прямое попадание! – услышал я, подходя к своей комнате. Как всегда, Егор хвастался перед ребятами.

– Да, ты сегодня был на высоте. Думаю, мы намотаем этот пятый детдом в пятницу на соревнованиях! – подхалимничали мои соседи.

– Ещё бы, с таким-то нападающим, как наш Егерь!

ТЬфу, даже слушать противно! Мои сожители были так увлечены обсуждением сегодняшней тренировки, что даже не сразу заметили, как я вошёл.

– А, вот и рохля пожаловал. Что, залатал свои ранки?

– Да ты не бойсь, – это Егор. – Мы тебя бить не будем, по крайней мере, до вечера – точно! – расхохотался он своим противным смехом. Друзья тут же подхватили. – На тренировке выложились по-полной, не до тебя сейчас!

Я только хотел язвительно поблагодарить их за такую любезность, как в дверь вошёл Андрей Валентинович.

– Ну что, орлы, как прошла тренировка?

Все, как по команде, выставили большие пальцы вверх, мол, супер!

– Так держать! Иван, можно тебя на минутку, разговор есть.

Я кивнул и послушно вышел из комнаты, чувствуя гаденькие ухмылки своих соседей за спиной.

Кабинет Андрея Валентиновича был в конце коридора. Прямоком туда мы и направились. Пока шли, не перекинулись даже парой слов. Воспитатель был чем-то всерьёз озабочен, а я, кажется, догадывался, о чём сейчас пойдёт речь.

– Малыш, нам надо с тобой серьёзно поговорить, – начал было Андрей Валентинович, когда дверь за нами плотно захлопнулась.

– Я даже знаю, о чём. – Не совсем тактично перебил его я.

Воспитатель удивлённо вскинул брови.

– Да? И откуда же, позвольте узнать? – наигранно залюбезничал он.

Тут я понял, что поторопился. Ну кто меня за язык тянул? Так как рассказывать о том, что Настя случайно услышала разговор я не хотел, то буркнул: «Неважно».

Нет, ну зачем я себя вот так веду? Кто дал мне право так разговаривать с Андреем Валентиновичем, который всегда так добр ко мне? Иногда я просто ненавижу себя за это! Но в данном случае у меня не оставалось другого выхода.

Воспитатель немного помолчал. Затем спросил:

– И как ты на это смотришь?

– Я... я даже не знаю! С одной стороны, я очень-очень, просто безумно рад, что обрету свой дом, свою семью. Но, с другой – это так неожиданно, так внезапно! Складывается такое впечатление, что всё это происходит не со мной, как будто с другим мальчиком, как во сне, – затараторил я, пытаюсь хоть как-то заглушить свою недавнюю грубость.

– Я понимаю твои чувства, Вань. Знаю, что в это трудно поверить, но, тем не менее, это так. Стыдно признаться, но мне самому немного горько от того, что скоро с тобой предстоит расстаться. На мой взгляд, ты самый искренний человек из всех ребят, что живут в нашем детском доме. Быть может, поэтому эта женщина выбрала именно тебя.

Мы помолчали немного. Потом я робко спросил:

– А какая она из себя, ну, эта дама?

– Это чудесная женщина! – начал быстро говорить Андрей Валентинович. – Хоть я её никогда и не видел, но уверен, что она хорошая! Добрая, милая, по крайней мере, по разговору. Они с мужем в браке 25 лет, но, к сожалению, не могут иметь своих детей. А эта женщина

(кстати, её зовут Ольга Георгиевна) всегда хотела иметь троих детей. Двое у них уже есть (взяли из детдома): старшая – Анна, ей семнадцать лет, средний – Михаил, ему сейчас четырнадцать. А вот младшим в своей семье они хотели бы видеть тебя. Как ты, наверное, догадался, ей запали в сердце строчки из твоего стихотворения про маму. Она нашла телефон нашего детского дома и связалась со мной. Завтра они хотели бы тебя забрать.

– Как, уже завтра? – на меня как ушат холодной воды вылили.

– Ну да, завтра. А почему бы и нет? Говорят, они даже срочно ремонт в детской сделали к твоему приезду. Как-никак, желанный ребёнок всё-таки.

Вот бы никогда не подумал, что последнее словосочетание может относиться ко мне.

– Послушай, малыш, я желаю тебе только добра. И я искренне верю в то, что в этой семье ты обретёшь ту заботу и душевную теплоту, которых тебе так не хватало все эти годы. Помнишь, ты мне говорил про ощущение чуда? Вот же оно! Чудеса случаются! Не уппусти свой шанс, Ванюш. Главное, надейся на лучшее, и всё в твоей жизни сложится хорошо.

– Надеюсь, Андрей Валентинович, очень надеюсь на это...

7

Последнюю ночь в детском доме я опять плохо спал. Обещанную расправу соседи мне так и не учинили – слишком заняты были горячим обсуждением предстоящих соревнований. На всякий случай, я попросил Андрея Валентиновича никому не говорить о том, что завтра меня забирают. Зачем? Начнутся лишние разговоры, пересуды, зависть. Могут и побить. А мне этого в последний день даром не нужно.

Итак, всю ночь я не сомкнул глаз. Знаете, такое бывает, когда вроде очень сильно хочешь спать, сил никаких больше нет, а уснуть почему-то всё равно не можешь. В голову лезут всякие мысли: то тревожные, то радостные. И некая неопределённость перед будущим. И только с первыми лучами солнца я немного задремал.

Как это ни странно, разбудили меня с утра не мои злополучные соседи, а повараха тётя Люба, которая приглашала всех на завтрак. Она заглянула в комнату:

– Ребятки, все на завтрак! Ой, – она огляделась вокруг, – ты один тут, Вань. Что ж, айда завтракать! – сказала она и прикрыла за собой дверь.

Я приподнялся в своей кровати и то же огляделся – след моих сожителей давно простыл, а их кровати были аккуратно заправлены. «Как странно», подумалось мне. На душе стало тревожно, не по себе как-то. Обычно, если они куда-то собирались с утра, да ещё всей бандой, то уж точно не ходили, как мышки. Или я под утро так крепко уснул, что даже не слышал, как они ушли? Не знаю. Во всяком случае, предстоящие события сегодняшнего дня вытеснили из моей головы все страхи и дурные мысли.

Я сладко потянулся, резко встал (чего, по-моему, делать было нельзя), всунул ноги в свои разношенные тапки и пошёл умываться. Умылся, причесался, надел свою старую футболку и шорты и вышел в коридор. Потом подумал, что, возможно, последний раз сегодня увижу Настю в столовой, вернулся и передел свою почти новую голубую рубашку. Глянул в зеркало – порядок! Повеселевший, я пошёл на завтрак.

Ребята выходили из своих комнат и, как и я, направлялись в столовую. То ли мне показалось, то ли действительно все сегодня улыбались, были приветливы и добры. Что особо радовало – Егора и всю его компанию по дороге в столовую я так и не встретил.

Когда мы всей гурьбой с ребятами ввалились в комнату приёма пищи, там нас ждал ещё один приятный сюрприз. На завтрак сегодня давали рисовую кашу (её тётя Люба готовит необычайно вкусно!) и треугольнички сыра «Hochland» – в нашем детском доме необычайная роскошь!

«Неужели чёрная полоса в моей жизни наконец-то закончилась?», невольно подумалось мне. И, как бы в подтверждение моих мыслей, я нашёл глазами Настю, которая улыбнулась мне своей очаровательной улыбкой и кивнула, то ли приветствуя, то ли подтверждая справедливость позитивных мыслей. Я улыбнулся ей в ответ, и понял, что в данный момент я – самый счастливый мальчик в нашем детдоме, в нашем городе, а, возможно, и на всей планете Земля!

Завтрак прошёл без происшествий. Все с удовольствием ели вкусную кашу, довольные, разворачивали треугольнички сыра. Как всегда, в конце трапезы, Настя и ещё пара девочек помогали тётя Любе убирать со стола грязные тарелки. Я тоже всё доел, облизал свою ложку с мыслью о том, что, возможно, делаю это в последний раз и начал думать, что же мне делать дальше: идти в свою комнату потихоньку собираться или же в кабинет к Андрею Валентиновичу, уточнить ещё кое-какие детали. С этими мыслями я и покинул столовую, так и не решив, что же мне сделать в первую очередь.

Всё разрешилось само собой. Когда я вышел в коридор, то увидел Андрея Валентиновича, приветливо машущего мне рукой и увлекая за собой в свой кабинет. Я бросил быст-

рый взгляд на часы, висевшие на стене в нашем коридоре. «Без пяти девять, – подумал я. – Быстро же они».

Как я и предполагал, меня уже ждали. Новые родители, новый дом, новая жизнь.

В кабинете нашего воспитателя сидели мужчина и женщина, лет так тридцати пяти – сорока. Причём женщина выглядела старше своего мужа. Немного полноватая, с короткими рыжими кудрявыми волосами, зелёными глазами, подведёнными изумрудными стрелками и густо накрашенными длинными ресницами. Она была одета в кофточку красивого мятного цвета и прямую юбку до колена, в туфли на небольшом устойчивом каблуке. Лицо её было добродушно и приветливо, а в глазах читалась некая детская непосредственность и даже наивность. При виде меня её огромные зелёные глаза распахнулись ещё больше, она широко улыбнулась. Не ответить на такую открытую, милую и какую-то домашнюю улыбку было просто невозможно. Моя будущая мама понравилась мне с первого взгляда.

Совершенно по-другому обстояло дело с моим будущим отцом. Высокий, худой, одетый во всё чёрное мужчина с коротким светлым ёжиком на голове и жилистыми руками не вызывал к себе доверия. Напротив, даже несколько настораживал. В его холодных голубых глазах я не увидел никаких эмоций – сплошное безразличие. Если в глазах мамы (надо же! Я уже мысленно её так называю) я увидел радость и необыкновенную теплоту, то глаза этого мужчины выражали лишь скуку и, как видимо, желание поскорее отсюда уйти. А со мной или без меня – это уже дело десятое.

Мои наблюдения прервал голос Андрея Валентиновича:

– Ну, знакомьтесь, дорогие родители. Ваш будущий сын Иван. А это, Вань, Ольга Георгиевна и Владимир Александрович, прошу уважать и почитать.

Я застенчиво улыбнулся и глянул на Ольгу Георгиевну, которая снова широко улыбнулась мне. Боковым зрением я заметил, что будущий отец сделал тяжёлый вдох и покосился на дверь.

– С документами у вас все в порядке, – сказал Андрей Валентинович. – Сейчас, когда со всеми формальностями покончено, предлагаю вам пообщаться с глазу на глаз, так сказать, без свидетелей.

После этих слов он вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Сказать, что мне стало немного неловко – значит, вообще ничего не сказать. Я даже понятия не имел, о чём говорить с этими людьми, которые совсем скоро должны стать для меня самыми близкими. Ладно, Ольга Георгиевна, но вот Владимир Александрович...

– Ну что ж, давайте не будем терять ни минуты. По дороге домой и поговорим. Беги, собирайся, Ванюш. Мы тебя забираем. Если ты, конечно, не против, – быстро проговорил будущий отец.

Кстати, голос его, хоть и был грубым, но оказался довольно-таки приятным. Это был голос уверенного в себе человека; голос, не терпящий возражений и вызывающий к себе доверие. Я сразу же проникся к Владимиру Александровичу уважением.

– Да, да, конечно собирайся, Ванюш. Нам уже не терпится поскорее забрать тебя отсюда, – подтвердила Ольга Георгиевна.

Я судорожно сглотнул, быстро кивнул и опрометью кинулся в коридор, едва не угодив в дверной косяк. По коридору взад и вперёд прохаживался мой воспитатель.

– Как, уже поговорили? – удивлённо спросил он.

– Ну да, – ответил я на ходу. – Иду собираться.

– И как тебе твои будущие родители? – едва поспедал за мной Андрей Валентинович.

– Вроде ничего, нормальные.

– Смотри, Иван, лишь бы тебя всё устраивало. Тебе с ними жить, – сказал он тихо, постепенно отставая.

Я остановился, развернулся всем корпусом, пристально посмотрел на него, произнёс: «Да, Вы правы» и поспешил к себе паковать вещи.

В комнате меня ждали злобно настроенные соседи.

– Ты, рохля, никак покинуть нас собрался? – спросил Егор, почёсывая кулак. – Нехорошо поступаешь. Мог бы своей радостью с друзьями поделиться.

Меня как прорвало:

– Какие же вы мне друзья? Сволочи, вот вы кто! Я вас всех ненавижу, слышите?! Вы мне всю жизнь здесь испортили! – я не заметил, как перешёл на крик.

– Эээ, батенька, так дело не пойдёт. Что же ты разорался, как деревенский петух спозаранку? Мы тут тебя проводить собираемся со всеми почестями, как друга, – ехидно сказал Егор, – а ты нас сволотой обзываешь. Ай-яй-яй, как некрасиво.

– Нет, ну почему вот так всегда: одним дуракам только везёт, – завозмущались остальные. – Эта корова что, на смазливое личико этого гадёныша позарилась?

Я чувствовал, как злоба закипает во мне, кулаки невольно сжались. Тем не менее, я взял себя в руки и громко, членораздельно произнёс:

– Не смей... так... говорить... про мою маму, урод!

Ребята изумлённо переглянулись. Егор удивлённо вскинул бровь, затем спокойно оглядел свою шайку и произнёс, специально растягивая слова:

– Кажется, наш птенчик излишне зарвался в последний день. Предлагаю вам, коллеги, изрядно начистить ему физиономию. Надеюсь, никто не возражает? – спросил он, снова окинув всех взглядом.

– Да ты чё, егерь, только «за»!

– В натуре, он сегодня какой-то борзый!

– Давайте чуть подкорректируем его смазливое личико! – доносилось со всех сторон.

Соседи, тем временем, взяли меня в кольцо, которое постепенно сжималось. Со всех сторон посыпались толчки. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы дверь не отворилась, и в комнату не заглянул Андрей Валентинович. Ребята тут же расступились. Своим внезапным появлением он спас меня от последней расправы.

– Как, ты ещё не собрался? Твои родители уже ждут тебя на улице, у центрального входа. А я так, решил заглянуть... на всякий случай, – добавил он, окидывая взглядом присутствующих.

Я быстро побросал свои вещи в пакет. Не хотел этого делать, но при Андрее Валентиновиче пришлось на прощание пожать руку каждому бывшему соседу. Особенно долгим было рукопожатие с Егором, так как он сильно сжал мою ладонь в своей мозолистой, влажной лапе:

– Ладно, не забывай, навещай нас иногда, – сказал он своим обычным голосом, но с такой злобой в глазах, что я невольно опустил свои.

Затем я быстро подхватил свой пакет и поспешно вышел в коридор за воспитателем. Мы стали спускаться к центральному входу. Обидно, что так и не удалось толком попрощаться со всеми ребятами и персоналом. Я спешил. Спешил и Андрей Валентинович – он знал, что такие события случаются не каждый день и упустить свой шанс зажить новой жизнью может стать непростительной ошибкой.

На улице нас ждала чёрная Mazda.

Ольга Георгиевна вышла из машины, взяла у меня пакет. Положила его на заднее сиденье, прижала меня к себе и еле слышно произнесла:

– Вот и всё, сынок. Сейчас мы поедem домой.

Она была такая тёплая, такая уютная, что не хотелось выпускать её из своих объятий. Тем временем подошёл Андрей Валентинович. Ольга Георгиевна отступила.

– Ну что ж, Иван, перед тобой открывается новая жизнь. Цени это мгновение, не забывай наш детский дом и меня. – Торжественно произнёс он. – Вот, тут моя визитка, – сказал

он, доставая из нагрудного кармана синюю стильную карточку. – Будет грустно, звони. Хотя с такими классными родителями, уверен, скучать тебе не придётся, – он подмигнул и широко улыбнулся Ольге Георгиевне.

Затем он крепко пожал мне руку, обнял по-отечески и развернулся к моей будущей маме:

– Берегите его, ради Бога. Он у вас самый лучший. Я привязался к нему, как к родному.

– Ну конечно, Андрей Валентинович, о чём может быть разговор? Была очень рада познакомиться.

Ольга Георгиевна заботливо открыла передо мной дверь, бережно усадила, накинула мне на плечо ремень безопасности. Сама села на переднее сидение рядом с Владимиром Александровичем и долго махала нашему воспитателю.

Я тоже ему помахал, но, думаю, вряд ли он это увидел через тонировку. Пока мы выезжали со двора, я неотрывно смотрел на здание нашего детского дома. И, как есть, около окна Настиной комнаты кто-то стоял и провожал меня долгим взглядом.

8

У Липатовых (именно такая фамилия была у Ольги Георгиевны и Владимира Александровича) была просторная трёхкомнатная квартира на третьем этаже в новостройке. В одной комнате жила Анна (она же девушка, причём, девушка взрослая, поэтому ей была нужна отдельная комната), другая комната принадлежала моим будущим родителям и была по совместительству гостиной. В третьей комнате жил мой старший брат Михаил, к нему меня и поселили. Действительно, было видно, что здесь недавно сделали ремонт – пахло краской и обои были новыми, не выгоревшими. В моей комнате мне сразу понравилось: светлые обои, белосиняя мебель, двухъярусная кровать, компьютерный стол и много игрушек. Я стоял на пороге с пакетом в руках и с восхищением оглядывал всю эту красоту.

– Тебе нравится, Ванюш? – спросила Ольга Георгиевна у меня за спиной.

– Да, очень, мам, – тихонько ответил я. Последнее слово вырвалось как-то само собой.

Ольга Георгиевна развернула меня к себе, присела на колени, крепко-крепко обняла меня, и я почувствовал, как по её щекам покатились тёплые слёзы.

– Мать, когда есть будем? – послышался в коридоре голос Владимира Александровича.

Ольга Георгиевна поспешно вскочила, утирая слёзы, сказала: «Да, сейчас, конечно» и пошла на кухню разогревать обед. Спустя пять минут оттуда начали доноситься ароматные запахи борща и пюре с жареной курицей. Только тогда я понял, как сильно проголодался.

Но, так как кушать меня ещё не позвали, я решил, что глупо вот так стоять на пороге теперь уже моей комнаты и прижимать к себе пакет, который, кстати, весил немало. Поэтому я прошёл по комнате уверенным шагом и уселся на первый ярус кровати, поставив пакет на пол недалеко от себя.

Только я расположился со всем комфортом, как дверь в комнату отворилась, и на пороге показался мальчик среднего роста лет так четырнадцати-пятнадцати. У него были каштановые волосы, немного веснушек и карие глаза. Телосложения он был обычного – далеко не худой, но и толстым назвать его язык не поворачивался.

– Это ты что ли мой новый брат? – спросил он без злобы.

– Да, я. Меня Ваня зовут, – ответил я, вставая с кровати и протягивая ему руку.

– Очень приятно. Я Миша. Будем дружить, братишка, – сказал он, крепко пожав мою руку. – Ну что, брательник, пойдём лопать? Мама там такую вкуснятину наготовила – пальчики оближешь!

Я довольно кивнул и последовал в коридор за своим старшим братом, который мне очень понравился.

Когда мы зашли на кухню, Владимир Александрович уже сидел во главе стола, а Ольга Георгиевна в красивом красном фартуке разливала ароматный борщ по тарелкам. Увидев нас, она воскликнула:

– А, ребятки! Проходите, мои хорошие, будем обедать. Мишенька, сынок, покажи Ванюшке его место.

Мой старший брат прошёл к столу, усадил меня по левую руку от Владимира Александровича, сам же сел по правую, напротив меня.

– А где Анна у нас? Опять опаздывает? – строго спросил отец.

– Наверное, в институте задержали, скоро придёт, – отвечала ему Ольга Георгиевна.

– Ох, как я этого не люблю...

– Ванюш, у нас есть семейный обычай, – пояснила мне мама. – Каждый завтрак, обед и ужин мы все собираемся здесь, за этим столом, вне зависимости от того, кто чем занят.

– И мне очень не нравится, – добавил Владимир Александрович, – когда кто-то из семьи отсутствует или опаздывает. Но не стоит думать, что я домашний тиран, – добавил он чуть мягче, – просто я люблю, чтобы во всём был порядок.

Я смотрел на отца, думал и не мог понять, как же я к нему отношусь: то ли мне этот человек нравится за свою твёрдость, решительность, то ли я его ненавижу и боюсь за непримиримый характер. Во всяком случае, уважать себя своими действиями и поступками он меня уже заставил.

Мои размышления прервал возглас мамы:

– А, вот и наша Аннушка вернулась!

И действительно, входная дверь хлопнула и спустя пару минут на кухню зашла высокая симпатичная девушка, с длинными мелированными волосами и зелёными глазами. На ней была розовая футболка и белые брюки-клёш.

– Всем привет! Извините, я тут задержалась немножко, – сказала она весело, пробираясь к столу и усаживаясь рядом с Мишей.

– Ты же знаешь, я этого не люблю, – сказал отец строго.

– Па, ну а я что сделаю? Это всё препод по высшей математике. Никто никогда нас не задерживает, а этот – ну прямо постоянно!

– Надо будет с вашим преподом серьёзно поговорить, – сказал Владимир Александрович с едва заметной улыбкой.

– Да, наверное, – пожала плечами Анна. – Ещё раз прошу прощения за то, что заставила себя ждать. Ой, а это, наверное, мой младший братик, Иван? – произнесла она, посмотрев на меня и широко улыбаясь. Несмотря на то, что она была Ольге Георгиевне не родной дочерью, улыбка у Анны была такая же обаятельная и открытая. Поэтому я невольно улыбнулся и кивнул.

– А я твоя старшая сестра Аня. Давай лапу, друг, – сказала она, протягивая свою тонкую ручку через стол и аккуратно пожимая мою. Что и говорить, моя новая старшая сестра мне очень, очень понравилась!

Мама села рядом со мной, напротив Ани и с улыбкой сказала:

– Ну что ж, сейчас, когда все перезнакомились, предлагаю отведать мой фирменный борщ.

– С превеликим удовольствием, – довольно сказал Миша, окуная свою ложку в тарелку с ароматным наваристым супом.

Я последовал его примеру и попробовал мамин борщ, который и вправду оказался очень вкусным. Сразу чувствовалось, что приготовлен он был с любовью.

Когда с обедом было покончено, все, видимо, занялись своими обычными делами: отец ушёл в большую комнату смотреть телевизор, мама принялась убирать со стола и мыть посуду, Анна ушла в свою комнату и закрылась там, а Миша стал собираться на улицу. И только я один сидел на кухне и не знал, чем же мне заняться дальше. Заметив это, мама сказала:

– Ванюш, а ты что скучаешь? Иди пока разбирай свои вещи, складывай их в свободный шкафчик, а я тем временем наберу тебе ванну.

Я так и сделал. Так как вещей у меня было не много, я быстро управился. Приготовил себе чистое бельё и проследовал в ванную комнату, где уже почти набралась полная ванна. Мама добавила в воду пены, поэтому в воздухе стоял ароматный запах клубники со сливками.

Вымывшись, я прошёл в свою комнату, где мама постелила мне чистую постель. Поздравив меня с лёгким паром, она спросила, был ли у нас в детдоме тихий час. После моего утвердительного ответа, она велела мне ложиться, дабы «не нарушать распорядок дня». А на тот случай, если я не смогу уснуть, в книжном шкафу есть интересные книги про пиратов, путешествия и приключения таких же простых мальчишек, как и я. Зная свою особенность не спать в тихий час, я сразу взял в книжном шкафу книгу. Я остановил свой выбор на романе Алек-

сандра Дюма «Кавалер Красного Замка». Хотя он не про пиратов и приключения, но всё равно очень интересно. Я зачитался почти до самого вечера, пока мама не позвала меня пить чай с очень вкусными домашними булочками.

К полднику вернулся и Миша. Мама налила нам чаю с ароматом фруктов и усадила за стол. Владимир Александрович кушал в большой комнате перед телевизором (так как это был ещё не ужин, то всем разрешалась кушать там, где они захотят). Аня сначала наотрез отказалась от маминой выпечки, как она сказала, «в целях сохранения фигуры». А потом, когда по всему дому разнеслись ароматы булочек, не выдержала, прибежала на кухню, положила себе на тарелку две штуки, налила стакан молока и со всем этим унеслась к себе в комнату.

Когда весь чай был выпит, а мы с Мишей вдоволь наелись маминых булочек, он предложил мне пойти с ним на улицу, познакомиться с ребятами. От чего я вежливо отказался не потому, что был слишком скромный, просто очень сильно хотелось первый день своей новой жизни провести дома, в тепле, уюте и маминой заботе. Миша понимающе кивнул, мол, знаем, проходили, и снова ушёл к друзьям. А я пошёл в нашу комнату читать роман и благодарить Бога за новый дом, новую семью и вообще сегодняшний день – самый счастливый и незабываемый день в моей жизни. Была суббота, 27 мая.

9

Дни понеслись за днями. Один счастливый день неизменно сменял другой, не менее счастливый, отмеченный радостью общения с новой семьёй, новыми людьми, маминой теплотой и заботой.

Мой новый отец каждый день ходил на работу на мясокомбинат, где он работал, как говаривала мама, уже больше двадцати лет. Она, в свою очередь, ходила на работу в банк, где была управляющим кредитного отдела. Аня успешно сдавала сессию и заканчивала первый курс экономического факультета государственного университета. У Миши начались летние каникулы, благо экзамены ему предстояло сдавать только на следующий год.

В обычную школу я не ходил, так как у нас была своя при детском доме. А вот с первого сентября моими новыми родителями было принято решение отдать меня в пятый класс шестидесять третьей школы, в которой учился мой старший брат и которая была, кстати, в трёх кварталах от нашего дома. Поэтому лето я отдыхал – или гулял с Мишей и его друзьями, которые оказались очень хорошими ребятами, или валялся дома – смотрел телевизор и читал интересные книги.

На день рождения родители подарили мне новенький двухколесный велосипед – я был просто на седьмом небе от счастья! Никогда мне ещё не делали таких дорогих подарков, за исключением моего восьмилетия, на которое Андрей Валентинович подарил мне игрушечную железную дорогу. Как сейчас помню эту ярко-синюю коробку, перевязанную большим красным бантом. Общая протяжённость рельсов была примерно полтора-два метра, а локомотив был на дистанционном управлении. Правда, мои завистливые соседи изломали игрушку на следующий же день, но вот радость получения такого дорогого подарка осталась в моей душе до сих пор.

Но не стоит думать, что я забыл своего воспитателя, детский дом и Настю сразу после того, как обрёл новую семью. Наоборот, я часто вспоминал их перед сном и постоянно вертел в руках визитку Андрея Валентиновича. Мама, замечая такое моё поведение, ни раз предлагала мне позвонить ему, но я почему-то отказывался. Как-то неудобно было, я стеснялся, хотя прекрасно знал, что на том конце провода меня будут очень рады услышать. Как-то раз я даже решил съездить в наш детский дом, но в самый последний момент передумал. Я не знал, как меня там встретят. Конечно, насчёт своего воспитателя и Насти я не сомневался, а вот насчёт остальных... Наверное, я и в самом деле очень робкий и нерешительный.

А мама меня очень любила. Баловала новыми игрушками, вещами, своим вниманием. Каждые выходные мы выбирались с семьёй или в цирк, или в зоопарк, или в парк аттракционов, либо просто на пикник. Я безумно любил такие семейные прогулки и с нетерпением ждал выходных, чтобы снова отдохнуть всем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.